

Век. Москва - 2003. - 2 окт. - с. 36

Еще совсем недавно принято было писать: «исландская певица и актриса Бьорк». Но после каннского и общемирового триумфа фильма культового европейского режиссера Ларса фон Триера «Танцующая в темноте», где она исполнила главную роль, Бьорк, находящаяся на самой вершине славы, вдруг заявила, что никогда больше не будет сниматься в кино, словно подчеркнув свою верность исключительно музыкальному искусству.

Она удивляет Европу. О ее очаровании, о том потрясающем впечатлении, которое производят ее песни, ходят легенды.

О ней самой тоже. Слишком много легенд... И вот французские журналисты, умеющие создавать верные «портреты» звезд, встретились с Бьорк, чтобы выяснить, кто же на самом деле эта маленькая и хрупкая северянка, что она любит, чем увлекается и как работает. Она рассказала обо всем этом корреспонденту «Пари Матч». Фрагменты ее рассказа и предлагаются вниманию читателей.

Первый диск – в 11 лет

Северный город Рейкьявик прославился полтора десятилетия назад, когда стал мировой столицей на час – там решали судьбы мира Рейган и Горбачев. Все газеты Европы вспомнили тогда по случаю о северных сагах, медленных и заунывных, как завывание снежной пурги, и мужественно-суровых, как ледяной климат снежной Исландии.

А поскольку больше вспомнить было вроде и не о чем, то потом об этом маленьком городе прочно забыли, как уже забывали несколько столетий – в Европе были совсем другие столицы, в которых происходили куда более серьезные вещи.

О Рейкьявике снова вспомнили, когда появилась Бьорк. Сегодня она так же знаменита в мире, как исландские саги, и, уж конечно, знаменитее, чем Рейган и Горбачев, вместе взятые, – ее неслыханная для крохотной Исландии популярность сравнялась с той, что некогда снискали по всей Европе «Битлз».

Благодаря Бьорк сегодня в Европе гораздо больше знают об Исландии. Например, движение хиппи (Бьорк, не зная своего отца, провела в общине хиппи детство и юность) процветало там в те времена, когда в СССР было под строгим запретом, а в консервативной Америке вызывало раздражение старомодных пуританских «ястребов».

Сама Бьорк любит рассказывать о своей родине так, словно она героиня сказки, приехавшая из прекрасного и неизведанного края, где живут совсем другие существа – может быть, поющие тролли: «Исландия – совсем маленькая страна, где все друг друга знают. Если кто-то создает новую музыкальную группу, записывает новый диск, пишет новую книгу или снимает новый фильм, об этом немедленно узнает вся молодежь Рейкьявика».

В сказочной стране Бьорк нет проблем с молодежью, никто не препятствует ей экспериментировать и искать свое место в жизни способом, который кажется самым подходящим. «Когда вышел мой первый диск, мне было одиннадцать лет. Сейчас я понимаю, что это был мой пропуск в музыкальный мир. Альбом так и не выехал за границы Исландии, но там он имел определенный успех. Я никогда не была им удовлетворена, ведь сама я написала для него только одну песню. Остальные просто исполнила. Это меня совершенно не устраивало. Я хотела сочинять свою собственную музыку. Год спустя продюсеры предложили мне аналогичную работу, но я отказалась без всякого сожаления».

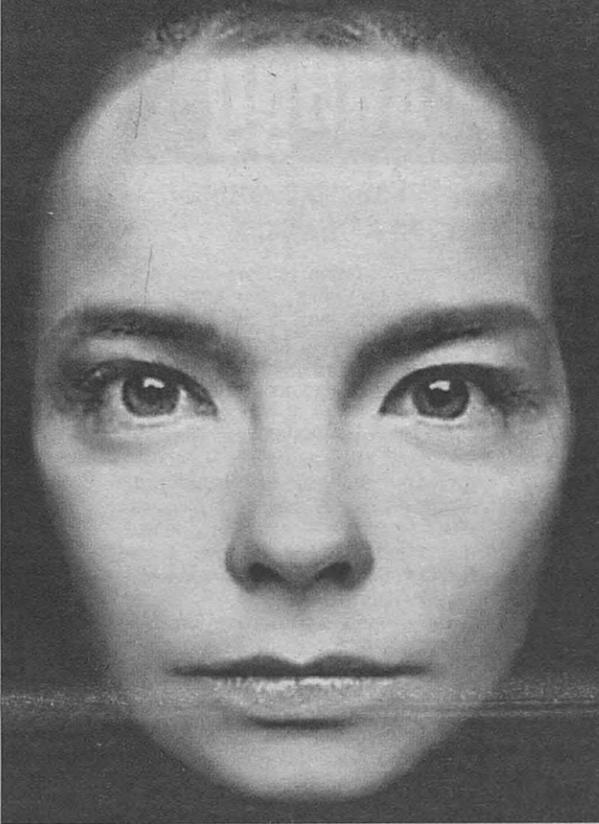
Самостоятельной певицей Бьорк становится в шестнадцать лет. Впрочем, самостоятельностью это все-таки назвать трудно – она выступает в панк-группе. Коллектив Sugarcubes довольно быстро завоевывает популярность в маленькой стране, где все знают друг друга и культурные новости распространяются с космической скоростью.

«Прекрати эту мерзость!»

Заработав немного денег, Бьорк с компаньонами не-

БЬОРК

ЧЕМ ЖИВЕТ МАЛЕНЬКАЯ СЕВЕРЯНКА ИЗ СТРАНЫ ПОЮЩИХ ЛЬДОВ

медленно объединились в коммуну и основали собственную «марку» – Bad Taste, выпустили под ней несколько дисков. Эта «марка» держится до сих пор, хотя прошло уже пятнадцать лет. Тогда-то, признается Бьорк, она и почувствовала призвание к музыке. Все компаньоны – «мальчики», как она их

называет – ее друзья по сей день. Один из них, еще в те годы страстно увлекавшийся поэзией и литературой, сейчас стал известным исландским писателем.

Совсем самостоятельные шаги, к тому же уже за границами Исландии, Бьорк сделает еще через пять лет. И сразу удивит своеобрази-

ем и песен, и манеры исполнения.

«Во время концерта вы никогда не обращаетесь прямо к публике. Это странно...» – спросят у нее привыкшие к свободной и раскованной манере множества звезд шоу-бизнеса журналисты. «Сидя на концерте как зритель, я прихожу в ярость, когда певец начинает со мной разговаривать, и хочу крикнуть ему: «Прекрати эту мерзость!» Весь день люди только и делают, что разговаривают по телефону, спорят до хрипоты, слушают чужие речи, общаются по мейлу... все заполнили слова. А концерт – это царство музыки. Поэтому для меня очень важно не разговаривать с публикой. Нужно вслушиваться в музыку, не придавая значения тексту. Это особенный момент, эмоциональный. Нужно дать каждому слушателю возможность поговорить со своими собственными чувствами».

Но не только Бьорк изменила европейскую манеру исполнять песни со сцены – и Европа изменила Бьорк. Особенно ее манеру преподносить себя, одеваться... «На сцене вы предпочитаете длинным платьям более флисовые одежды», – говорят ей. И она отвечает: «Я обожаю покупать новые шмотки! Во время прошлого турне я была в платье от Александра Маккуина. Но оно оказалось таким шедевром кутюра, что я едва осмеливалась в нем рукой пошевелить. Приходилось вести себя на сцене сдержанно, нельзя было лишнего шага сделать. В конце концов это вывело меня из себя! И я сказала себе, что не стоит повторять эту ошибку. Теперь я одеваю только то, что соответствует моему настроению в вечер выступления».

«А в Мадриде вы выбрали коротенькую и широкую газонную юбку, какие носят балерины...» – продолжают наседающие интервьюеры. И Бьорк парирует: «...которую я незадолго до этого купила на толкучке! Я обожаю лезть по базарам, толкучкам и всегда нападаю на нетрадиционные шмотки. На сегодняшний день моя музыка дышит энергией, я хочу, чтобы люди под нее танцевали. Я активна. Я сама хочу тан-

цевать на сцене. И поэтому мне нельзя носить одежду, которая стесняла бы мои движения».

Еще год назад я скорее была пассивна, стремилась к красоте и спокойствию. Это связано с обстоятельствами моей жизни. В конце одного из недавних турне я почувствовала, что беременна... И поэтому потом предпочитала оставаться дома с ребенком».

Любовь и нелюбовь

«В Исландии я чувствую себя, словно в семье. Там я провожу половину года! У меня домик на берегу большого озера. Мне ведь нужны большие пространства, чтобы я могла писать. Но вторую половину года я живу в Нью-Йорке. Там я могу вечером выйти в свет, быть совершенно в гуще жизни, устраивать себе праздники без страха, что меня кто-нибудь может расстроить».

Я обожаю города, обожаю ездить, устраивать празднества, шататься по барам, по клубам. И становлюсь совсем сумасшедшей от обилия звуков, которые живут вокруг меня. Моя жизнь делится надвое: звуки и ночная жизнь – с одной стороны, тишина и отдых в Исландии – с другой.

Исландская природа – вот моя религия. В моей Исландии природа стала национальной гордостью. Она так необычна. Я могу часами гулять одна в лесу, среди песчаных равнин или на берегу озера. Там есть места, где вообще не ступала нога человека.

Иногда я обожаю петь в лесу. Это очень вдохновляет. Я человек очень одинокий. Моя жизнь вращается вокруг двух проблем: объединение и разъединение, любовь и нелюбовь. Говоря это, я имею в виду мои интимные отношения с мужчинами. Мое понимание слова «любовь» включает все, из чего складывается моя жизнь: я люблю горы, своих друзей, даже если между нами нет ничего сексуального, люблю самолеты и автомобили... И еще я твердо знаю, что и через десять лет по-прежнему буду петь».

По материалам зарубежной прессы
ДМИТРИЙ САВОСИН

Она такая разная. Серьезная и кривляка. Целомудренная и порочная, но, бесспорно, удивительно талантливая

